Неудачная групповая ситуация

Куликова Мария

- клинический психолог,
- групповой аналитик,
- тренинговый аналитик ЕАРПП

Хотелось бы начать со статьи греческого групп-аналитика Анастасио Кукиса о травме и тупиковой ситуации большой греческой группы[1].

Греческая большая группа, несмотря на богатую историю, переживает непростые времена. Греция — место, где зародилась демократия. Место, давшее миру богатство мифов и основу культуры. Место, где, несомненно, большая группа должна накопить огромный бессознательный материал и опыт для преодоления тупиковых и травматических ситуаций. Тем не менее, что мы видим в новейшей греческой истории? Бедная сельскохозяйственная неуважаемая страна на задворках Евросоюза, ее бесконечного донора.

1 Вот небольшая статья греческого аналитика из института группового анализ в Лондоне о греческой травме (https://t.me/TeloVesEda/423)

> Субъект заставляет других на группе пережить опыт нестерпимого, безнадежного, тупикового, абсолютно непереносимого, с которым субъект не справился.

Оккупированная Германией с 1941 года до 1944, после войны Греция остается незначительным пассивным государством на карте того мира, центром которого она являлась давным-давно.

Пассивность, неспособность следовать за другими большими группами. То ли свой идентичный путь, то ли травматизация. Но почему тупик?

Аналогично Сизифу, греческому герою, проделанная когда-то огромная культурная и цивилизационная работа вынужденно возвращается вновь и вновь, заставляя в муках терпеть тупиковую напраслину и повторяемость. Греческое общество поражено пассивностью, безверием, тупиковостью и беспомощностью, как пишет автор.

Беспомощность — верный и точный маячок травмы и травмированности.

Можем ли мы использовать беспомощность, тупиковость и травматичность как синонимы в аналитической ситуации? Думаю, что да. Вспомним работу Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия», где повторяемость и противоречивость с принципом удовольствия была как раз соединена с травма-неврозами.

Французские авторы позднее развили мысль Фрейда, которую я вкратце здесь повторю: травматичность — свойство психики, и повторямость (переработка) останется ее вечной задачей, всплывающей время от времени, пока первичный конфликт (непознаваемое ядро), который взывает к повторяемости, не будет разрешен.

Греческая тупиковая групповая ситуация: подставим вместо «греческий» свое или иное: страна, охваченная Сизифовым трудом.

Возьмем другую группу, поменьше. Это небольшой пример того, как приходит в тупик группа среднего размера.

10 лет назад я купила участок в СНП в тульской области в 100 км от Москвы. Прекрасные виды, чистый воздух, все располагало к покупке. СНП (Сообщество некоммерческих собственников земли) было новым. Как выяснилось, мы повторили судьбу других подобных групп.

На момент покупки в СНП была охрана, хорошие дороги, свет на дорогах и огромный мусорный контейнер. СНП управляли расторопные парни (участвовавшие в приватизации и заинтересованные получить прибыль через продажу земель дачникам (олимпийские боги), которые вели себя довольно строго: они закрывали всем шлагбаум при малейшей задолженности, зато хорошо решали проблемы с местной администрацией (дома регистрировались, газ подключался, почтовые адреса выдавались, прописка становилась возможной и так далее).

Эти авторитетные парни действовали по общей схеме: хорошо упакованное дитя (СНП) передается в руки нерадивых родителей, которые через пару лет решают, что им не нужны «чужаки со стороны». В ближайшие 2-3 года происходит смена власти, демократическая революция, власть захватывают новые парни, которые находятся уже внутри.

Дальше известная история: при новой демократической власти группа начинает быстро и эффективно разваливаться. Харизматичный лидер, захвативший власть, быстро устает воевать с должниками, постепенно отваливаются: охрана, шлагбаум, ремонт дорог и свет на них.

Передавать дитя некому. Беспомощную группу брать на поруки никто не хочет, анархия и многочисленные суды с должниками.

Ситуация тупиковая. Смелые на слова на собраниях, тихие и пассивные на дела члены СНП не хотят ничего, они дожидаются, пока ситуация «разрулится как-нибудь».

Миф том, как должна разрулиться ситуация, вполне универсален и присутствует во всех больших группах: когда-нибудь проезжающий мимо богатырь должен полюбить местные косогоры и березки так, что сам все распашет, перекидает камни, раскидает врагов и установит на этом косогоре золотой век.

Так однажды сделал Василий Поленов, потративший на строительство своей усадьбы, храма, школы, театра миллионы, полученные от царя, а регион до сих пор «едет» под именем Василия Поленова.

Это короткий отрывок из мифа о любой большой-средней или малой группе, ожидающей Спасителя в тупиковой ситуации, в которую она попала.

Групповые сюжеты — повторяемые и тупиковые в силу повторяемости.

Но почему тупики? Почему группа так часто и легко приходит в тупик?

Возьмем групповую аналитическую ситуацию: группу, которую я наблюдаю несколько лет как терапевт.

Я опишу ситуацию, которая настолько общая и узнаваемая, вы, наверняка, с этим согласитесь. Это небольшая терапевтическая группа, численность которой колеблется от 5 до 8 участников.

На группе развязывается ссора, которая развивается, как смерч: моментально, с сильным накалом. Кто-то требует наказания, кто-то возбужденно соучаствует, кто-то в столбняке наблюдает за конфликтом. Конфликт заключается в полном непонимании и невозможности понять и принять другого, находящегося в очередной тупиковой ситуации травмы.

Терапевт не успевает. Это очередной и регулярный тупик ведущего, который наблюдает за группой людей, которые попали в тупиковый конфликт как- то слишком быстро.

Одна из участниц покидает группу без завершающих сессий, практически хлопнув дверью, группа долгое время остается в столбняке. Это настоящая травма и очередной тупик. Группу снова покинули, причем на «позднем сроке».

Группу покидали неоднократно и с разными обвинениями: она не помогает, она занимается кофейными разговорами, на ней скучно, на ней небезопасно, на ней

Любая групповая ситуация будет в итоге нисходить к этой травме, к этому тупику ограниченности и беспомощности, пока субъект не переработает ситуацию.

Группа не просыпается никогда. От недели к неделе, от встречи к встрече, группа будет смотреть и сновидеть новую тупиковую и травматическую ситуацию, чтобы увидеть ее со стороны, чтобы посмотреть, как с ней справится Другой, чтобы потом интроецировать этот опыт и справиться с невыносимостью за пределами группы, в реальной жизни.

не соблюдают правила, она бесконечно занимается пережевыванием правил, терапевт не руководит сильной (мягкой) рукой и так далее, вплоть до утверждения, что группа помогла, поэтому все хорошо, и ее пора покинуть.

Общее состояние группы: кто нас теперь спасет? Что будет с группой? Как жить после такой ссоры? Как жить и помнить этот ужасный разговор, который привел к уходу из группы одного их участников? Как здесь можно жить дальше в такой безысходности? Здесь душно, здесь сквозит, здесь холодно и задувает, здесь нечем дышать — разные метафоры говорят о невыносимости и беспомощности.

Последние сессии этой группы- очередной разговор о ее бесплодности и тупиковости, теперь уже трое из пяти говорят о том, что они хотят уходить. Здесь нечего больше делать. Здесь работа бессмысленная, она не дает результатов и вложенные усилия не окупаются.

Конечно, дело за ведущим: необходимо приоткрыть форточку тупика и дать смыслы происходящего, объяснить тупиковость. Без ведущего группа задыхается.

Итак, оставим ненадолго эту группу в ее невыносимом моменте тупика безысходности и удушения.

Немного теории. Заинтересовавшись французским психоанализом, я наткнулась на необычайную находку: огромный пласт литературы по групповой терапии, начиная с Дидье Анзье, известного нам как автора книги «Я-кожа». У него есть капитальный труд «Бессознательное групп». Продолжу список имен: Рен Каес, Жан-Бернард Шапелье, Бернар Дюэз, авторы нам малоизвестные.

Вот несколько теоретических гипотез по групповой динамике от французов:

- Группа работает как психический аппарат.
- На группе происходят одновременно процессы первичного и вторичного психических процессов с переходами от первичного, который запускается по умолчанию, ко вторичному, который запускается через речь и сеттинг (функция третьего) и культурную работу.
- Группа травматогенна (она вызывает конфликт сама по себе), чем схожа с психическим аппаратом, склонным к переработке травм и их вызыванию, вытаскиванию из первичных ранних конфликтов.
- Группа травмотерапевтична, она врачует травмы, которые она же вызывает сама по себе.
- Группа работает по принципу психического аппарата, который склонен возвращаться к первичным травмам, вызывая их к жизни, реконструируя эти травмы,

разыгрывая их на группе в групповой аналитической ситуации и терапевтируя их.

- Психический аппарат (и у французов есть статьи о феномене апрэ ку) соответствует двухтактности психики и одновременности процессов регредиентности (возратного процесса) и прогредиентности (поступательного процесса).
- Группа, как и психический аппарат индивида, одновременно проделывает два движения: прогрессивное (новая информация, поступающая извне) и регредиентное (возврат старого, когда-то вытесненного в бессознательное и его переработка). Можно сказать, что психика движется поступательными движениями вперед через движение назад.

Группа развивает травматическую ситуацию. Всегда. Для этого она и происходит или существует: вызвать из прошлого духов старины, вызвать из бессознательного травматическую ситуацию и на солнечный свет. Постоянное возвращение назад происходит в русле постоянных сюжетов, соответствующих 5 первофантазмам.

Травматическая ситуация происходит, как тупиковая, поскольку истинная травма — это то, с чем субъект не справился, в которой субъект был пассивен, беспомощен, травма случилась с ним, она пришла внезапно, он к ней не был готов, и так далее по списку описания травмы.

Принципиальными показателями психической травмы являются чувство беспомощности, стыд за эту беспомощность.

Истинная (и конечно же) бессознательная цель присутствия на группе (кроме заявленной и артикулированной) — вернуться к травме и прокрутить ее еще раз, пока она не разрешится. Прокрутить ее именно в состоянии полной беспомощности и воссоздать это состояние беспомощности, которое накрывает и субъекта, и группу, и ведущего.

Французские авторы целью психической жизни ставят субъектность и идентификационные процессы — создание собственной истории субъекта с присваиванием старого материала, не пережитого когда-то, на новом материале, подбрасываемом жизнью.

В ЧЕМ ПОДВОХ НА ГРУППАХ?

Субъект не заинтересован быть в центре травмы, он хочет это увидеть. Как во сне (мы говорим о травматических снах травма-невротиков), где сновидение, как мы помним, вопреки принципу удовольствия, заставляет смотреть и испытывать травму и беспомощность еще и еще.

Кто будет субъектом травмы, на которого будет смотреть заинтересованный участник? Правильно, группа. Терапевт — это тот, которому показывается и рассказывается история, как тот взрослый, который допустил младенческую травму. Но саму травму надлежит пережить группе и участникам группы по отдельности. Переносным экраном может оказаться любой другой участник.

Субъект заставляет других на группе пережить опыт нестерпимого, безнадежного, тупикового, абсолютно непереносимого, с которым субъект не справился.

Когда-то, в том самом детстве, когда произошло нестерпимое, с чем не справился

психический аппарат, появились несколько базовых сценариев или первофантазмов (они же в итоге являются неразрешимыми и поэтому тупиковыми задачами для психики):

- Происхождение меня от пары и невозможность самостоятельно воспроизвести субъекта, идентичного себе.
- Фантазм о первосцене, где меня производят без меня, и субъект не имеет возможности никак на это повлиять, что для него немыслимо, как немыслимо любое событие, происходящее вне воли субъекта.
- Обнаружение разницы полов и наличие второго, необходимого для воспроизведения, но отличающегося от «меня» радикально,- также тупиковая сцена, которая никак не может быть преодолена, только принята и усвоена: нас двое, М и Ж.
- Потеря райского существования и обнаружение мира, не ориентированного на меня и мои потребности.
- Обнаружение сексуальности (своей животной природы) и неспособности справиться с ней, силы своих собственных влечений, которые меня толкают в новые и новые ситуации.
- Неспособность в принципе (ограниченность и так далее) и, в конечном итоге, принятие кастрации — принятие собственной ограниченности и лишенности чего-либо.

Все фантазмы вписываются, как мы помним, в миф об Эдипе:

- Первосцена
- Соблазнение
- Кастрация
- Каннибалистическая трапеза.
- Возвращение в материнское лоно.

Это пять тупиковых и структурообразующих психику задач.

Первофантазм — это групповая внутренняя структура, которая является постоянным динамическим горнилом проработки, которая притягивает к себе ситуации, и которую субъект, если не может обработать, просто воспроизводит в жизни как отыгрывание и как компульсивное повторение в различных жизненных сценариях, или через симптом.

Рене Каес пишет, что субъект организован, как группа (бессознательное организовано, как группа) и есть изначальная вложенная групповость и интроецированные групповые связи, которые постоянно преобразуются, и психический аппарат устроен, как комбинирование внутренних групп и их динамическое взаимодействие, но нас интересует больше вторая мысль: группа сама по себя устроена, как психический аппарат,

Тупики неустранимы, они есть сами узлы психической работы. Сизиф будет продолжать катить свой камень, что бы люди ни выдумывали о ходе человеческой истории.

Беспомощность — верный и точный маячок травмы и травмированности.

но та изначальная внутренняя групповость группы восходит к ситуации «ребенка бьют» с вариациями: наказывают, воспитывают, лишают слова или действия, свободы или желания. С ребенком что-то делают (Бернард Дюез).

Субъект изначально ощущает себя как пассивный и лишенный желания, наблюдающий чужое желание. То есть любая группа восходит к первоначальной пассивности и беспомощности младенца, которую ему надлежит преодолеть в своем пути к личности и субъектности, и тогда любая группа в самой своей глубине будет восходить к тупиковости, неразрешимости и беспомощности.

Когда создается ситуация тупика субъекта перед группой, то группа всегда больше, чем субъект и решение (желание) группы всегда отличается от желания субъекта.

Субъект всегда будет унижен, постыжен и в отчаянии, это состояние беспомощности ребенка перед объектом, который он теряет или галлюцинаторное представление о котором он теряет, чтобы найти реальность.

Так мы приходим к мысли, что любая групповая ситуация будет в итоге нисходить к этой травме, к этому тупику ограниченности и беспомощности, пока субъект не переработает ситуацию. Поэтому на группе «ребенка бьют» всегда.

Каждый и любой сталкивается со своей детской беспомощностью, пытаясь ее пережить вновь и вновь, пока не научится с ней хоть как-то обходиться.

Любая тупиковая групповая ситуация восходит к первофантазму, дальше которого ничего нет, это ядро, который, если не обработан, будет повторяться в жизни до окончания его обработки, когда фантазм превратится в фантазию и сможет быть рассказан словами после увиденного сновидения, и начинает происходить обработка (переход к вторичным процессам), где тупиковость будет рассказана словами с соединенными аффектами, оставлена и вложена в группу, как в контейнер, который не треснет и сохранится до следующей встречи.

Тупиковые травма-сны:

- Я теряюсь. Это большое пространство, магазин, множество бутиков, коридоры. Я теряюсь то у отца, то у матери.
- Я уезжаю в поезде, который едет не туда, я не могу сойти, он слишком быстро набирает ход. У меня нет ни денег, ни телефона, ни вещей. Старый чемодан, не моя одежда, все потеряно мною.
- Я в домике, вода затапливает его, мне надо выйти, но вода везде, она прибывает быстрее, чем я могу двигаться.
- Я пытаюсь вернуться домой. Множество вещей не дают мне это сделать. Надо взять, упаковать. Вещи вываливаются из рук, их становится больше и больше. Книги, матрасы, чемоданы — я знаю, что опаздываю на свой самолет.
- Я теряю своих детей. Вот я иду по кромке моря, и они со мной, набегает волна, смывает все и остается море, в котором нет моих детей.
- Я наблюдаю ураган, который подхватывает мой дом. Этого не может быть, но вот я уже в урагане в самом его центре, мой дом падает и переворачивается, моя

собака, которая со мной, травмирована, а в ужасе смотрю на ее лапу. Мы в перевернутом ураганом доме.

Конец всегда один: в ужасе я просыпаюсь. И вот дальше наступает самое интересное.

Группа происходит для того, чтобы досмотреть этот сон до конца: «вы как-то с этим должны справиться, и я хочу это увидеть. Я хочу увидеть, как вы с этим не справитесь. Я вам предъявил эту беспомощность и, возможно, подразумеваю, что вы с этим не справитесь».

Так или иначе, субъектность передается группе, а участник, вызвавший травму, становится сновидцем.

Совсем недавно произошел такой эпизод: сновидец в самом начале рассказывает на группе сон:

«Я на корабле, мать и ребенок выпадают за борт, я кричу: «человек за бортом», но никто не отзывается, никого нет, я бросаюсь в воду и нахожу себя в сотне метров за упавшими, мимо меня проплывает лайнер, я просыпаюсь».

Сон рассказан, и рассказчика «выбрасывает из группы» (это группа онлайн). Сновидец «тонет», а группа обрабатывает сновидение, обсуждая беспомощность и тупиковость ситуации. Эта группа не развалилась и не утонула, и сновидец вернется в следующий раз, травма и тупик были проиграны на малой сцене одноразовой групповой ситуации.

Субъект не смог, но смогла группа. Группа досновидела эту ситуацию и завершила ее.

Как происходит проработка, как группа досматривает ужасающее сновидение? Своим существованием. Группа не просыпается никогда. От недели к неделе, от встречи к встрече, группа будет смотреть и сновидеть новую тупиковую и травматическую ситуацию, чтобы увидеть ее со стороны, чтобы посмотреть, как с ней справится Другой, чтобы потом интроецировать этот опыт и справиться с невыносимостью за пределами группы, в реальной жизни.

Закончу словами Андре Грина (выдержка из статьи, посвященной случаю Человека с Волками): «Очень важно прочитать «Человека-волка… где Фрейд доходит до ситуации неразрешимости первосцены: вот здесь опять все повторится, вот здесь человек падет…Создается впечатление, что мы имеем дело с настоящей фабрикой, работающей вовсю по созданию постфактумов, чтобы эти постфактумы могли ответить на вопросы, на которые ребенок не может ответить иным образом.».

Я думаю эту фразу А.Грина мы можем взять себе для понимания, почему тупики и почему снова и опять.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ТУПИКА

Первичный тупик должен стать открытием двери и связанностью, коридором в конструирование своей истории. «Так вот почему это со мной случилось. Так вот как я сюда попал».

Человек постоянно подходит к черте, которую он сам не может перешагнуть, заглядывает за нее, то ли это порог дома, то ли это горизонт, но это всегда черта недостижимого и невозможного. Это граница его личных возможностей.

В истинной проработке и в истинном присутствии на группе субъект будет обращаться в эту сторону постоянно, доходить до точки неразрешимости, высматривая с помощью глаз другого, что там и как оттуда можно выбраться.

Теперь помножим эту ситуацию на Х (количество участников) и представим себе, что в группе никто не ждет своей очереди или удобного момента, когда проиграть свою организующую тупиковую ситуацию. Это происходит одномоментно со всеми участниками сразу. Параллельная игра на нескольких шахматных досках, на каждой из которых играют цугцванг. Безнадежная ситуация, в том смысле, что она вынужденно повторится. Через неделю и потом с новой встречей группы.

РЕЗЮМЕ:

- Группа обладает колоссальным потенциалом психического аппарата, где можно проработать и встретиться с очередной тупиковой ситуацией.
- На уровне больших и средних и малых групп тупики будут повторяться.
- Мы будем безнадежно возвращаться к началу, к детству, повторяя и переучивая, перепроживая исторические моменты далеко забытого прошлого.
- Это и есть цель и работа группы (группы психической и психического аппарата как группы и терапевтической группы, моделирующей, по сути, психический аппарат, нисходящий к тупиковым ситуациям)

Тупики неустранимы, они есть сами узлы психической работы. Сизиф будет продолжать катить свой камень, чтобы люди ни выдумывали о ходе человеческой истории.

Тупиковые ситуации по сценариям будут обновленными и с новыми декорациями, с новыми деталями и новыми персонажами, но камень Сизифа—это бессознательное, которое нас постоянно возвращает к детству — к первым тупиковым захватывающим ситуациям полной безнадежности. Если мы с вами будем это понимать, наша терапевтическая тупиковость превратится в необходимость очередной интерпретации, тупик станет ступенькой и переходом.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Рене Каес «Группа как психический аппарат».
2. Рене Каес «Сюжет на группе и групповая ситуация».
3. Бернар Дюэз «Травматогенность и травматофорность группы».